

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

С. А. Магарил

Социогуманитарное образование: невыученные уроки

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Magaril_socio.pdf

Перепечатка с сайта Института
социологии РАН <http://www.isras.ru/>

URL: <http://www.civisbook.ru>

СОЦИОГУМАНИТАРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: НЕВЫУЧЕННЫЕ УРОКИ

Автор: С. А. МАГАРИЛ

МАГАРИЛ Сергей Александрович - отв. секретарь журнала "Социологические исследования", кандидат экономических наук, доцент факультета социологии РГГУ (E-mail: magariil@yandex.ru).

Аннотация. Обсуждаются проблемы повышения качества социогуманитарного образования в связи с необходимостью системной модернизации России.

Ключевые слова: реформа образования * социальные науки * качество социогуманитарного образования * модернизация России

Высшее образование должно иметь дело с жизнью, с общественными отношениями. *Д. Менделеев*

Занятые социальными науками обладают в своем знании большей ясностью и точностью... Но, начиная с определенного момента, совсем не стремятся дать ответ на те вопросы, которые вызывают действительное беспокойство. *К. Манхейм*

Написать этот текст меня побудила статья профессора Е. Тавокина, посвященная проблемам выживания российского образования в ходе т.н. "реформ". Он безусловно, прав: стартовые идеалы и ценности гражданина формируются именно в образовательно-воспитательном процессе.

Объективное содержание "реформ". Справедливой критике в дискутируемой статье подвергнута фрагментация образования, его переориентация на приобретение простейших правил, сведений и навыков, вместо формирования рационально-критического мышления, а также замена ученых чиновниками, прежде всего, в части "стандартизации" содержания образования.

Следует согласиться и с критикой насильственного внедрения "болонского процесса". В российских условиях это означает примитивизацию образования и резкое снижение его эффективности в качестве социального лифта для молодежи из низкодоходных слоев населения. Е. Тавокин прав и когда пишет об отеснении на периферию образовательного процесса инженерно-технических и естественных наук. Однако почему-то полагает, что это происходит в пользу "наук гуманитарных". Хотя сам же указывает на перегрузку учебных планов "гуманитарными выкидышами" типа "валеологии" или "московведения", в крайнем случае "бизнес-администрированием", а отнюдь не отечественной историей, социологией, политологией. А ведь именно эти учебные дисциплины призваны воспитывать граждан, а не подданных, поскольку жизненно необходимые сопромат, электротехника или высшая алгебра едва ли в состоянии сформировать ценностные установки модернизации и демократические убеждения.

Но реально ли формирование гражданственности, если учебными планами навязываются "многопредметность, разрушение иерархии ценностей... минимизированные стандарты и программы"? Когда-то В. Ключевский писал: "политика правительства -ограничить науки так, чтобы знания не перерабатывались в убеждения" [Ключевский, 2002: 267]. Сегодня есть полное ощущение, что век спустя власти действуют из тех же самых побуждений.

В данном контексте уместно привести слова М. Сперанского, по мнению которого "самые благие намерения политических перемен сопровождаемы неудачами, когда образование гражданское не предуготовило к ним разум" [Сперанский, 2006: 3]. Судя по результатам постсоветских реформ, мы не слишком преуспели в приобретении гражданской компетентности. Хотя сегодня, как отмечает Е. Тавокин, подготовкой юристов, финансистов и экономистов "занято примерно 80% российских вузов". Проблема, очевидно, в том, что количество обучаемых не преобразуется в их качество.

От утопии к утопии. Советское руководство и окол властные "обществоведы", утверждая, что им ведомы подлинные законы исторического развития, 74 года вели многомиллионный советский народ от утопии к утопии: ожидание мировой революции, строительство социализма, созидание коммунизма и... вновь социализма, но уже с человеческим лицом. Отечественная история все эти прожекты отвергла. В процесс социального распада и крушения советского государства едва ли не решающий вклад внесло официальное "обществознание". Как утверждает С. Кара-Мурза: "Советский строй убила Академия общественных наук при ЦК КПСС и сеть ее партийных школ" [Кара-Мурза, 2011: 38].

Под стать советским социальным "наукам" было и социогуманитарное образование. Качество общественно-гуманитарной подготовки выпускников высшей школы выразительно охарактеризовал английский дипломат И. Берлин, как аналитик посольства Великобритании, работавший в Москве с 1945 по 1955 гг.: "В молодежи скорее поощряется интерес к научным и техническим знаниям, чем к гуманитарным, и чем ближе к политике, тем слабее образование. Хуже всего поставлено оно у экономистов, историков современности, философов и юристов" [Берлин, 2001: 501]. Если корректен тезис: общество программирует свое будущее через систему образования, то И. Берлин указал на истоки нашего нынешнего неблагополучия.

Качество советского образования. Оно было резко неоднородно: подлинно научное, рационально-критическое в области естественного и инженерно-технического знания и, одновременно, доминирование догматики, ортодоксии, схоластики, откровенной апологетики в сфере наук социальных, принужденных обслуживать очередные утопии советской власти. Исключения были редки и ожесточенно глушились обществоведческим официозом. Немногим "еретикам", таким как М. Восленский, А. Некрич, М. Гефтер, Ю. Левада, А. Зиновьев, А. Янов и др. власти либо стремились заткнуть рты, либо вынуждали покинуть страну.

Критерием истинности теории, как известно, является практика. Представители естественных и инженерно-технических наук продемонстрировали способность создавать и эксплуатировать сложнейшие технические объекты, основанные на высоких технологиях: мощные ускорители для исследования строения материи; аэрокосмические системы; атомные электростанции; нефте- и газопроводы, в т.ч. в подводном исполнении; большие системы электроэнергетики; высокоточные баллистические ракеты; атомные подводные лодки; совершенные комплексы противовоздушной обороны. Инженеры-строители спроектировали и построили такие уникальные сооружения, как Останкинская телебашня, Северо-Муйский тоннель на БАМе, мощные гидроэлектростанции и мостовые переходы через реки, протяженностью несколько километров. Все это свидетельства подлинно высокого качества отечественных инженерных наук и производного от них инженерно-технического образования.

А что могут предъявить обществу носители социогуманитарного знания в качестве результатов своей профессиональной деятельности в течение многих десятилетий?

Распад СССР. Крах сверхдержавы неопровержимо свидетельствует о провале стратегического государственного управления. В 1970-е годы, в обстановке политической стабильности, в отсутствие оппозиции и протестных выступлений, под широковещательные и самодовольные разглагольствования официальных "обществоведов" о неизбежно грядущем коммунизме, Советский Союз целеустремленно, уверенной поступью шел навстречу... "крупнейшей геополитической катастрофе XX века" (В. Путин). Однако советские обществоведы предпочитали не замечать процессов социального распада. Ситуация иррациональная: держава развалилась в условиях мирного времени, в отсутствие критически значимых внешних угроз, защищенная мощнейшим ракетно-ядерным потенциалом и обладая всей полнотой государственного суверенитета.

На протяжении послевоенных десятилетий в создание систем отражения внешних угроз были вложены колоссальные ресурсы. При этом в расчет совершенно не принимались внутренние проблемы и угрозы национальной безопасности. К их отражению не готовились. Более того, советский правящий класс эти проблемы старательно игнорировал. А государственное обществоведение все это обосновывало с научных позиций "единственно верного учения", старательно закрывая глаза на растущие социально-экономические проблемы. Плохо информированное общество молчало. Как пишет Л. Гребнев: "В СССР была поставлена и... успешно решена... задача подготовки хорошо вооруженных знаниями и в то же время хорошо поддающихся манипуляциям членов общества" [Гребнев, 2005: 93].

Постсоветская Россия - вектор движения. Происходящее в России отчетливо свидетельствует: нашему обществу не удалось вырастить высокоинтеллектуальную политическую элиту и привить ей ценности ответственного национально-государственного служения. Крах СССР зафиксировал банкротство советской государственной системы управления, в которой доминировали технократы. Крайне неубедительные результаты постсоветских реформ демонстрируют неэффективность управления постсоветской России, где в немалом числе представлены социогуманитарии.

Характерно свидетельство академика С. Глазьева - министра первого российского правительства, о начальном этапе постсоветских реформ: "Никто не думал, что развитие страны пойдет так", хотя многие члены кабинета рекрутировались из научной среды социальных институтов РАН. Преобладал "романтический и весьма поверхностный взгляд на проблемы, с которыми мы должны были столкнуться. Среди молодых экономистов доминировал и сейчас доминирует "античеловеческий" подход. Поскольку изначально во главу угла были поставлены формальные, макроэкономические показатели, то фундаментальная "человеческая составляющая во многом игнорировалась", что и привело реформы к провалу" [Глазьев, 2006].

Тягчайшим следствием стала "дискредитация демократии и создание реальных предпосылок к авторитаризму - главный общественно-политический итог деятельности российских реформаторов в 1990-х гг... Вместо демократической, предсказуемой, модернизированной России, с материально благополучным населением возникло авторитарное государство с ограбленным и униженным населением. Власть... предстала в столь антинародном виде, что затмила своей антинародностью даже советский тоталитарный режим" [Симонян, 2011: 160, 161].

Почему так произошло? Основных версий две: либо безвольный и не способный сопротивляться социум молодые реформаторы преднамеренно вели в тупик, что автору настоящего текста представляется невероятным, либо реформаторы искренне не ведали, что творили и тогда очевидны претензии к качеству их образования.

Едва ли не самые выразительные оценки постсоветских преобразований принадлежат экс-президенту России Д. Медведеву. В своем первом президентском послании (2008 г.) Медведев заявил: "Государственная бюрократия по-прежнему, как и 20 лет назад, руководствуется все тем же недоверием к свободному человеку и к свободной деятельности. Эта логика подталкивает ее к опасным выводам и опасным действиям. Бюрократия периодически кошмарит бизнес, чтобы не сделал чего-то не так, берет

под контроль средства массовой информации, чтобы не сказали чего-то не так, вмешивается в избирательный процесс, чтобы не избрали кого-нибудь не того, давит на суды, чтобы не приговорили к чему-нибудь не тому... В результате государственный аппарат у нас - это и самый большой работодатель, самый активный издатель, самый лучший продюсер, сам себе суд, сам себе партия и сам себе, в конечном счете, народ. Такая система абсолютно неэффективна и создает только одно - коррупцию... Сильное государство и всесильная бюрократия - это не одно и то же" [Медведев, 2008].

По сути, Д. Медведевым названы системные признаки восстановления тотального контроля бюрократии за жизнью общества. Чем это закончилось для Советского Союза, слишком хорошо известно. Следует подчеркнуть, чиновники как федерального, так и регионального уровня являются выпускниками отечественной высшей школы.

Общество все более отчетливо осознает: "Политическая власть и экономика России оказались в руках людей, в абсолютном большинстве не обремененных глубокими знаниями, жизненным и управленческим опытом, но одинаково алчущих власти и богатств" [Ильинский, 2011: 3]. Этот вывод подтверждают и межгосударственные сопоставления качества государственного управления. Согласно данным Всемирного банка (ВБ), который с 1996 г. измеряет этот параметр в 212 странах, по эффективности госуправления Россия существенно отстает от всех стран с сопоставимым душевым доходом и находится на уровне Лесото, Перу и государства Науру.

Исследования ВБ наглядно демонстрируют, зачем нужна интеллектуальная, национально ответственная бюрократия: когда страна перебирается из нижней четверти рейтинга качества управления в середину, это соответствует увеличению душевого дохода вчетверо; примерно во столько же раз снижаются младенческая смертность [За что мы не любим чиновников..., 2012]. Подобные оценки выразительно характеризуют качество образования и, прежде всего, социогуманитарной подготовки, полученной высшими чиновниками России, а также "эффективность" политических лифтов, выстроенных по лекалам отечественных социальных наук и возносящих к руководству государством корыстных образованцев.

Каков вклад социогуманитариев в общенародное благо? Действительно, какой общественно-значимый продукт производят отечественные социальные науки и социогуманитарное образование? Российские реалии начала XXI в. свидетельствуют: социально-властные отношения не обеспечивают национальное развитие и приемлемый уровень жизни для большинства россиян; массовая политическая культура находится на крайне низком уровне; правосознание - не воспитано; способность к самоорганизации, созданию структур гражданского общества и цивилизованным солидарным действиям - в зачаточном состоянии; взаимное доверие людей существенно ниже, чем в европейских странах; историческая ответственность за общенациональное будущее большинством населения отторгается; духовность, понимаемая как гуманистические идеалы и ценности, также массово не освоена.

Социогуманитарии в изобилии могут предъявить опубликованные статьи, теоретические концепции, программы, книги, учебники. Но это лишь чертежи предлагаемых социально-властных механизмов. И неочевидно, будут ли эти механизмы работоспособны? Убеждают лишь действующие образцы. Социогуманитарное знание работает, только став массовым. Но происходящее явно свидетельствует: до массового сознания современное социальное знание не донесено. И потому неизбежно возникает вопрос: есть ли в России социальный субъект, способный эти программы и рекомендации воплотить в реальные общественные практики?

Л. Гребнев, указывая на слабое развитие саморефлективных операций, в т.ч. "гуманитарных", убежден: "Если мы продолжим доверять самое дорогое, что у нас есть (*детей - С. М.*) системе образования, как она прописана в наших законах, то никакой гражданской жизни у нас не будет никогда и, скорее всего, не будет жизни вообще" [Гребнев, 2005: 94].

Нельзя сказать, что ситуация в отечественном социогуманитарном образовании не меняется вовсе. Студентам более не читаются такие "науки", как "история КПСС", "научный коммунизм", "исторический материализм" и т.п. Однако качественных изменений пока не произошло.

Как отмечает О. Гаман-Голутвина: "В нашем обществе по-прежнему нет граждан, а есть лишь подданные. Это в равной мере характеризует и население, и представителей нового правящего класса" [Гаман-Голутвина, 2000: 84]. По данным социологических опросов, для большинства выпускников российских вузов характерны настроения социально-политической апатии, а не гражданские убеждения [Новикова, 2010]. Однако исторический опыт свидетельствует: политическая апатия - это лишь отложенная социальная агрессия.

Не вызывают оптимизма и свидетельства зарубежных ученых. Так в ходе визита в Россию, творец мир-системного анализа И. Валерстайн сочувственно и ободряюще произнес: все здесь у вас очень интересно, динамично и многообещающе. Но, по уровню социального и интеллектуального развития Россия еще далеко отстает от Мексики [Розов, 2007: 25].

В данном контексте характерно признание и одного из ветеранов отечественного обществознания Ю. Красина. Выступая на круглом столе, организованном журналом "Полис" в конце 2011 г., он заявил: "На повестке дня - все те же проблемы становления российского гражданского общества", которые мы обсуждали еще в 1992 г. "Не пора ли задуматься, почему уже более двух десятков лет мы обсуждаем одни и те же проблемы, а... воз и ныне там? Конечно, есть какие-то продвижения, но уж очень они незначительны. Принципиальные же вопросы воспроизводятся вновь и вновь все в том же виде. Не допускаются ли в дискуссиях о российском гражданском обществе существенные методологические просчеты?" [Красин, 2012: 121]. Весьма выразительная оценка "динамизма" и "актуальности" отечественных социальных наук.

Безотлагательность модернизации России, на необходимость которой указывают многие российские ученые, со всей остротой ставит проблему как субъекта модернизации, так и доминирующего социального типа россиянина. По данным опросов, уровень взаимного межличностного доверия россиян крайне низок (24%), при среднеевропейском уровне доверия 80 - 85% [Институциональная политология, 2006: 516]. Выводы российских ученых подтверждают зарубежные исследования. Опрос, проведенный в 2006 г. Европейским банком реконструкции и развития, показал: в бывшем СССР уровень доверия людей друг к другу упал до 20 - 30%. По данным опросов World Values Survey, в 1990 г. уровень доверия в России составлял 38%, в 1995 и 1999 гг. - всего 24% и в 2005-м - 27% [Гуриев, Цывинский, 2008].

Столь низкий уровень доверия препятствует солидарным действиям россиян в защиту своих насущных интересов. Это закономерно порождает политическую беспомощность - более 90% убеждены, что они не в состоянии влиять на решения властей. Как следствие, отказ от политической ответственности за судьбу России - порядка 80% отвергают свою ответственность за происходящее в стране [Дубин, 2011: 357], а потому за свое будущее и будущее детей.

Но истории нет дела до наших субъективных намерений. Самим фактом массового социально-экономического неблагополучия она принудительно реализует ответственность народа за свою судьбу. Так, согласно оценкам ИС РАН, в 2008 г. уровень жизни 59% россиян соответствовал трем параметрам: "ниже черты бедности", "на грани бедности" и в состоянии "малообеспеченности" [Горшков, 2009: 6]. Поскольку население не видит взаимосвязи федеральной политики с ежедневными условиями своего существования, то "81% россиян не намерены участвовать в акциях протеста с политическими требованиями", уповая лишь на сохранение своего нынешнего скудного существования [Пресс-бюллетень, 2012].

Приведенные данные рисуют социальный тип "А. А. Башмачкина" - маленького, бесправного, одинокого, бедного и беспомощного перед властями человека, способного воспроизводить лишь атомизированный, пылеобразный социум. С момента, когда

этот социальный тип был изображен гением Гоголя, прошло 150 лет. За это время в России произошли поистине тектонические сдвиги: было отменено крепостное право; дважды кардинально сменился общественный строй; дважды на противоположные менялись доминирующие формы собственности; многократно сменились правители, а потому - цели правления и стили осуществления власти; ликвидирована неграмотность, миллионы получили высшее образование. Однако социум продолжает продуцировать "Башмачкиных". Отмечая, что "постсоветский человек" в очень малой степени отличается от "человека советского", В. Бачинин пишет: этот человек не в состоянии избавиться от укорененного в нем "комплекса потенциальной жертвы" [Бачинин, 2011: 188]. Неудивительно, что общество "политически беспомощных" вновь повернуло в колею авторитаризма, уповая на верховного правителя.

Способны ли социогуманитарии объяснить причины и механизмы указанного воспроизводства? Какова роль социальных наук и социогуманитарного образования в этом исторически бесперспективном процессе? Что могут и должны сделать носители обществоведческого знания во изменение этого тупикового коловращения?

Свой вклад в дезорганизацию и дезинтеграцию общества вносят макросоциальные стратегии политико-административных групп и крупнейшего российского бизнеса. Об этом свидетельствуют астрономическая коррупция и многомиллиардный вывоз капитала. Национальные интересы России группы господства успешно заместили лично-корпоративным обогащением.

Российские реалии вынуждают признать: общество осталась без элиты [Панарин, 2006]. Ответственность за столь прискорбное положение дел во многом лежит на отечественных социальных науках и социогуманитарном образовании. Судя по публикациям, к настоящему времени носители социальных знаний и компетенций стали осознавать глубину проблемы, граничащей с ментальной катастрофой - проблему дерационализации общественного сознания в сегменте социально-властных отношений.

По мнению Б. Миронова: противоречивые образы России, существующие в общественном сознании, созданы социальными учеными и только тиражированы СМИ. И подобная фрагментация имеет далеко идущие последствия, поскольку эти "социологические образы России постулируют принципиально различные сценарии развития страны" [Миронов, 2009: 469]. Более того, общественный дискурс фиксирует: архаические мифы, используемые для легитимации исторически бесперспективного режима "зачастую производятся в научной среде" [Сергеев, 2012: 113].

Поднять статус общественных наук и особенно политических исследований призывает Н. Злобин. Обращаясь к коллегам, он пишет о необходимости перестать использовать социальные знания "для "научного" обоснования воззрений очередного лидера. Политическая наука не политтехнологии. Страна, дезинформирующая сама себя, неизбежно проигрывает глобальную конкуренцию".

Политическая теория не менее фундаментальна, чем теория в естественных науках [Злобин, 2012]. "Наращивание социокультурного потенциала общества не уступает по значимости экономическим преобразованиям, а возможно и превосходит их. Если технико-технологическая модернизация в форме индустриализации вывела СССР в число наиболее промышленно развитых стран, то социокультурная модернизация отстала от нее на целый век. В итоге, в 1970-е - начале 1980-х гг. "захлебнулась" и технико-технологическая модернизация. При этом показательно: среди населения нынешней России традиционалисты и тяготеющие к ним по большинству значимых ценностных ориентаций, составляют 73 - 75 %" [Горшков, 2005: 68 - 69].

Архаика массового сознания, культурно-традиционные, политические предпочтения россиян через механизм выборов непосредственно влияют на организацию и кадровое наполнение высшего эшелона государственного управления, а потому и качество стратегических решений. По данным "Левада-центра" за прошедшие 20 лет, доля россиян, полагающих, что "надо отдать власть в одни руки и тогда будет порядок" возросла в 2.5 раза и достигла 45 - 50% [Гудков, Дубин, Левинсон, 2009: 30]. По сути, это общественный запрос на исторически тупиковое в XXI в. единодержавие.

Положение существенно осложняется тем, что российский социум в своем историческом движении вновь и вновь воспроизводит фундаментальную проблему социокультурного раскола: непримиримые противоречия в идеалах и ценностях; острейшее противостояние в коллективных представлениях, несовместимых образах будущего и способах его достижения... Есть основания полагать, что именно социокультурный раскол породил в отечественном XX в. такие формы национального самоистребления, как гражданская война, раскулачивание, голодомор, государственный террор.

Раскол воспроизводится и в начале XXI в. - в виде продолжающей расти имущественной поляризации; глубоких социально-экономических различий регионов, а потому и различий жизненных шансов их жителей; решений суда, за редким исключением выносимых в пользу власть- и капиталистических; аномально высокого уровня взаимного недоверия россиян; межэтнической напряженности; тлеющих межконфессиональных противоречий; острого отчуждения населения от власти; глубоких различий в уровне политической культуры урбанизированной части общества и его провинциальной, аграрной периферии; очевидных различий в неформальных культурных нормах коренного населения и мигрантов; поощряемой властями православной клерикализации многоконфессионального общества... Воспроизводство социокультурного раскола сохраняет предпосылки для нового старта механизмов национального самоистребления. Какие рекомендации могут предложить носители социогуманитарного знания для преодоления раскола или, хотя бы, смягчения его остроты?

На наш взгляд, справедлив вывод, что манипулирование массовым сознанием в условиях атомизированного общества, усталого и безразличного населения не представляет трудностей. Общество отучили размышлять и потому массовое сознание отторгает критический анализ происходящего [Симонян, 2011: 168]. Что могут противопоставить этому распаду национального сознания социогуманитарии? Какое будущее ждет Россию и наш народ? Для одной из своих статей автору не составило труда подобрать более 160 экспертных оценок отечественных специалистов высшей квалификации - от докторов наук и выше, в которых они высказывают многообразные опасения по поводу острейших рисков - вплоть до распада страны - при отказе правящих групп от политики национального развития. Российский опыт XX в. неопровержимо свидетельствует: политический режим, не способный обеспечить национальное развитие, неизбежно сойдет с исторической сцены в сопровождении конфликтов высокой интенсивности, сопровождаемых огромными человеческими жертвами.

Все вышеизложенное обозначает сложнейшие проблемы и бескрайнее поле работы для отечественных социогуманитариев. Именно им предстоит взять на себя основную ношу воспитания национальной элиты России и рационализации массового сознания. Другой профессиональной группы, которая могла бы справиться с этой задачей в России, просто не существует.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бачинин В. А.* Социальная виктимология. Об изучении антропологических катастроф в современной России // Свободная мысль. 2011. N 11. С. 188.
- Берлин И.* Советская интеллигенция // История свободы. Россия. М.: Новое литературное обозрение, 2001.
- Гаман-Голутвина О. В.* Бюрократия или олигархия // Куда идет Россия? Власть. Общество. Личность. М.: ВШЭСН, 2000.
- Глазьев С.* Никто не думал, что развитие страны пойдет так. 2006. 26.12. URL: <http://www.polit.ru/analytics/2006/09/26/glazyev.html> (дата обращения 15.06.2012).
- Горшков М. К.* Российское общество в социологическом измерении // Мир России. 2009. N 2.
- Гребнев Л. С.* Образование: рынок "медвежьих" услуг? // Мир России. 2005. N 2.
- Гудков П., Дубин Б., Левинсон А.* Фоторобот российского обывателя // Мир России. 2009. N 2.
- Гуриев С., Цывинский О.* Ratio economica: Как измерить доверие. Ведомости. 25.11.2008.
- Институциональная политология / Под ред. *С. В. Патрушева*. М.: ИСП РАН, 2006.
- Дубин Б.* Россия нулевых: политическая культура, историческая память, повседневная жизнь. М.: РОССПЭН, 2011.

- За что мы не любим чиновников. От редакции // Ведомости. 03.08.2012.
- Злобин И.* На обочине глобальных теоретических схваток // Ведомости. 23.04.2012.
- Ильинский И. М.* Прошлое в настоящем // Знание. Понимание. Умение. М.: Московский гуманитарный университет, 2011.
- Кара-Мурза С. Г.* Причины краха советского строя: результаты предварительного анализа // Доклады Центра. Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования. М.: Научный эксперт, 2011.
- Ключевский В. О.* Афоризмы. Цит. по сб. "Из русской мысли о России". Автор - составитель И. Т. Янин. Калининград: Янтарный сказ, 2002.
- Красин Ю. А.* Становление гражданского общества. Российская головоломка // ПОЛИС. 2012. N2.
- Медведев Д. А.* Послание Федеральному Собранию Российской Федерации, 5.11.2008. URL: http://archive.kremlin.ru/appears/2008/11/05/1349_type63372type63374type63381type826_34_208749.shtml (дата обращения 17.06.2012).
- Мионов Б. Н.* Историческая социология России. СПб.: Интерсоцис, 2009.
- Новикова И.* Молчанье - золото. Почему политическая активность российского студенчества практически равна нулю // Новые известия. 21.12.2010.
- Панарин А.* Народ без элиты. М.: Алгоритм. 2006
- Пресс-бюллетень Левада-Центра. 05.05.2012. URL: [http://www.levada.ru/taxonomy/term/4/0?page=4&date_filter\[min\]\[year\]](http://www.levada.ru/taxonomy/term/4/0?page=4&date_filter[min][year]) (дата обращения 07.05.2012)
- Розов Н. С.* Теоретизация истории и роль математики // История и математика. Концептуальное пространство и направления поиска. М.: ЛКИ, 2007.
- Сергеев Д. В.* Социально-культурная ситуация в России начала XXI в.: рецидивная культура, архаизация, изобретенная архаика // Мир России. 2012. N 3.
- Симомян Р. Х.* "Лихие" или "славные" девяностые? О политических итогах российских экономических реформ 1990-х годов // Мир России. 2011. N 12.
- Сперанский М.* Введение к уложению государственных законов. Стратегия России, 2004, N 12. С. 3.